

"Я не член политической тусовки"

Смелен. - С. - П. - 1995. - 22 Дек. - С. 7

НИКОЛАЙ Сванидзе - человек легкий. Так, по крайней мере, кажется телезрителю, утомленному напором и агрессивной серьезностью других комментаторов. За последние годы гражданская скорбь, пафос и морализаторство порядком надоели публике - в моду вошла изящная ирония, занимательность и хорошие манеры. Сванидзе умеет говорить о политике с непринужденностью светского человека - это подкупает российских интеллигентов, напуганных лихой развязностью большинства нынешних публичных деятелей. Но в критические моменты автор "Подробностей" не чуждается пафоса - в октябре 93-го, оказавшись волею судьбы единственным комментатором событий, он был более чем серьезен. Накануне нынешних выборов он также поддавался искушению вразумлять публику - и пожертвовал на благо родины частью своего обаяния, пустившись в антикоммунистическую агитацию и пропаганду. Особенно обидно, что его старания пропали даром - коммунисты все равно взяли верх.

- Как вы оказались на телевидении?

- Очень просто - осенью 90-го года мне позвонил мой старинный приятель Женя Киселев, который тогда еще не был так велик и знаменит, и сказал: "Старик, организуется Российское телевидение, нам нужен руководитель группы информации - ты не хотел бы попробовать?"

- Вы ведь не журналист по образованию?

- Я историк, работал в Институте США и Канады. Моя специальность - новая и новейшая история Запада, и в частности США. Я из семьи историков, так что отечественную историю тоже неплохо себе представляю. И я уже собирался совсем переходить на преподавательскую работу, потому что в Институте США и Канады мне платили 150 рублей, а надо было как-то семью кормить... А на телевидении мне предложили аж 500, и к тому же хоть маленький, но командный пост. Я набрал людей - удачно, сейчас они все работают комментаторами в "Вестях". После этого мне сразу стало скучно руководить, я стал писать - и пошло, и пошло. Я стал комментатором в "Вестях", потом появилась своя программа.

- А с Киселевым вы когда подружились?

- Это давнишние, романтические связи года с 74-го. Была такая компания: Миша Осокин - мы с ним учились в одной группе в университете, Женя Киселев и я. Мы вращались в одном кругу, встречали вместе Новый год... Сейчас мы реже видимся.

- Испортились отношения?

- Нет, просто ушла юношеская свежесть, романтическая,

мушкетерская. У каждого свои дела.

- Считается, что

работники телевидения - люди преуспевающие.

- Смотря с чем сравнивать. Если с простым профессором - так у меня редактор получает больше, чем, скажем, моя матушка - доктор наук, профессор, которая написала больше книг, чем я - комментариев. Потому что журналисты - как шахтеры: их нельзя обижать. Опасно.

- Чем канал "Россия" отличается от других центральных каналов?

- НТВ мне кажется максимально приближенным к западным образцам.

- "Нерусское" телевидение?

- Абсолютно. Но в хорошем смысле.

- А "Россия"?

- А "Россия" - русское в хорошем смысле. Оно менее меркантильное, менее прагматичное - потому что денег меньше.

- Обычно бывает наоборот: денег меньше, потому что непрактичное.

- У нас люди в большей степени работают за совесть, за идею.

- Мне всегда казалось, что из всех телекомпаний "Россия" - самая душевная. Все ведущие говорят так ласково...

- Я сам - парень не то чтобы очень душевный, но, в общем, незлой. Когда друг друга грызут в кость, мне это не нравится. Я привык здесь, здесь все мое, я отсюда никуда ни разу не уходил. Я вообще по характеру тяжел на подъем.

- Вы сначала делали

"Подробности" на пару с Доренко. Теперь на "России" и на НТВ есть две очень похожие передачи.

- Сережа ушел, чтобы делать на другом канале те же "Подробности", но с другим названием. Я считаю, что название "Подробности" более удачное. Оно меньше обязывает: подробности могут быть чем угодно, а если "Версии" - тут надо выдать версию. У меня так было с "Контрастами": "Николай, а где контрасты?" Где версии, какие версии? Но это не главное. Разница в ведущем.

- Вы говорите о разнице темпераментов?

- Темпераменты у нас с Доренко схожие - у нас характеры очень разные. Он человек горячий, и я человек горячий, поэтому ужиться вместе нам было практически невозможно. Мы в равной степени честолюбивы, в равной степени амбициозны, в равной степени вспыльчивы, но при этом у нас совершенно разные представления о том, что такое хорошо - что такое плохо, что можно - чего нельзя, и идти на компромиссы мы не могли.

- При всех амбициях вы не кажется человеком, который стремится к власти. А комментатор - это властная позиция, выражаясь по-советски - "инженер человеческих душ". Многие наши комментаторы мыслят себя политическими деятелями.

- Я тоже себя так мыслю - просто по-другому себя веду. Не лучше и не хуже - а по-

другому. Я тоже - тихо, скромно - считаю себя public figure. Мое политическое влияние больше, чем у среднего депутата Госдумы, - это однозначно.

- Наша политическая тусовка не кажется шибко интеллигентной. Как вы себя в ней чувствуете?

- Я не член политической тусовки и даже не очень понимаю, что это такое. Я не тусуюсь - я работаю. Держу дистанцию. Хотя я вхожу в политическую, и в журналистскую, а в последнее время, когда стал public figure, - и в артистическую тусовку. Это понятно - ходишь на всякие светские мероприятия, встречаешься...

- Вам нравится посещать светские мероприятия?

- В общем-то нет. Но иногда "руку правую потешить", развлечься, жену в свет вывести. Я не то чтобы домосед - в свое время я был исключительно непоседлив, но сейчас просто времени нет.

- Устали?

- Мы же тут не дрова рубим, в конце концов. Все ходят на работу каждый день - и я хожу. Но чтобы сохранить долгое дыхание, не надо так уж растрачиваться. Да и возраст не тот, чтобы гулять по ночным клубам, - в сорок лет это уже неинтересно.

- Вы не хотите сами сделать политическую карьеру?

- Нет. Практика показывает, что журналисты, которые уходят в политику, перестают быть журналистами и не становятся политиками. Я не назову ни одного, кто стал бы, скажем, депутатом и выиграл от этого. Все проиграло.

- Публичные деятели обычно говорят не то, что думают, а то, что надо. А заветные слова остаются в душе.

- Я ничего заветного не храню. Все, что я имею сказать, я высказываю в передаче. Позволю себе игривое сравнение: это как в интимном общении с дамами. Одни считают, что есть какой-то природный запас, и если он в юности израсходован - значит, все, кончился. А есть другая точка зрения: чем больше этим занимаешься, тем больше твой потенциал, тем больше тебя хватит. Так вот: чем больше расходуешься как журналист, тем больше в тебе этого запаса появляется.

- Отсюда вытекает совет: думайте чаще?

- Как можно чаще.

Беседовала
Марина КОЛДОБСКАЯ